

Помощник лекаря, прихрамывая, приблизился к гостям.

— Лицо моё обезображено огнем, боюсь напугать почтенных господ, оттого и ношу маску. Прощу простить мне сей изъян, — проговорил он смиренно. — Вы пришли за советом или за снадобьями?

Цзян Ехун лишь теперь заметил багровые следы ожогов, тянувшиеся к самым уголкам глаз мужчины. В душе шевельнулось раскаяние.

— Прости, я не знал, — искренне ответил он. — Как тебя зовут?

— Ничтожного зовут Фу Цзю.

Жун Жо тем временем окинул взглядом лавку. Помещение было небольшим, но всё здесь дышало чистотой и строгим порядком.

— Ты здесь один за главного? — поинтересовался юноша.

— Да, только я, — Фу Цзю пригласил их присесть на скамью во внутренней части лавки.

— Скажи, не заходила ли к вам за лекарствами владелица швейной мастерской, У Хуэйюнь?

Помощник лекаря, продолжая раскладывать подсушенные травы по ящичкам, кивнул:

— Была такая. Около месяца назад жаловалась, что боли в пояснице никак не проходят. Доктор Ду трижды ставил ей иглы и выписал рецепт.

— А на плохой сон она не жаловалась? — уточнил Жун Жо.

— Было и такое. Госпожа У говорила, что её терзают мигрени, голова буквально раскалывается, а по ночам мучают кошмары. Доктор Ду подобрал для неё успокаивающую курительную смесь в саше — велел повесить у изголовья для крепкого сна.

Жун Жо достал тот самый ароматный мешочек и протянул Фу Цзю.

— Но почему в этом саше такая огромная доза мандрагоры?

Фу Цзю замер, оставив работу, взял мешочек и осторожно вдохнул аромат.

— Госпожа У жаловалась на невыносимые сны, — медленно произнес он, — потому доктор и

добавил мандрагору. Она ядовита, спору нет, но в малых дозах отлично снимает боль и дарит покой. Однако здесь... — он нахмурился, — её и впрямь слишком много.

— Что будет, если человек вдохнет лишнего?

Он принялся копаться в травах, наполнявших мешочек.

— Отравиться насмерть через запах сложно, если не есть её всухую. Но если смешать её с другим определенным снадобьем, аромат вызовет яркие галлюцинации и привыкание. Днем человека будет преследовать вялость, он станет сонным и потерянным, а со временем яд накопится в теле, и головные боли только усилятся.

— Значит, доза мандрагоры была изменена намеренно... — задумчиво проговорил Жун Жо.

Фу Цзю, дрожащими руками листая журнал приемов, поспешил оправдаться:

— Прошу вас, взгляните. В нашей лавке на каждого больного есть запись. Каждая крупница, каждый вес — всё задокументировано. Ошибки быть не могло.

Записи были на редкость подробными, и дозировка мандрагоры в журнале была в разы ниже той, что они обнаружили в саше. Кто-то приложил руку к курительной смеси уже после того, как она покинула лечебницу.

— Простите, простите, я задержался! — В дверях показался мужчина лет тридцати с небольшим, худощавый, но с открытым, располагающим к себе лицом. Это был Ду Цзичан. Сняв с плеча аптекарский короб, он радушно улыбнулся: — Кто из вас занемог?

Цзян Ехун поднялся навстречу:

— Доктор Ду, я...

— О, да это же ловец Чу! Неужто вы к нам по делу о преступлении?

— Именно так. Нужно прояснить кое-что относительно госпожи У из швейной лавки.

— Спрашивайте что угодно, — Ду Цзичан поставил короб на стол. — Расскажу всё, что знаю.

— Когда именно госпожа У обратилась к вам за помощью?

Доктор сверился с журналом.

— Месяц назад. Ох, и печальная же история. Она жаловалась, что долго лечилась у своего двоюродного брата, Фу Юдао, но боли в спине только усиливались. Показала мне его рецепты — сами записи верны, а вот дозировка в готовых свертках никуда не годилась. Там, где нужно было добавить, он убавлял, и наоборот. Разве это лекарь? Это же вредительство чистое!

— Вы хотите сказать, что лечили её правильно, а мешочки со снадобьями собирали неверно?

— Именно так, — возмутился доктор. — Мы все в одном ремесле, негоже дурно говорить о коллегах, но это уже за гранью. Он её калечил.

— И потому госпожа У устроила в лавке Фу Юдао грандиозный скандал, — подытожил Цзян Ехун.

— Слышал об этом. Родственники, а так разругались... Говорят, с тех пор они и знать друг друга не желают.

— Взгляните на это саше, — Цзян Ехун передал доктору мешочек, полученный от Жун Жо.

Ду Цзичан, едва заглянув внутрь, изменился в лице:

— Мандрагоры здесь немерено... Погодите, а это что? Мухомор?!

Цзян Ехун в ядовитых грибах не смыслил и лишь вопросительно взглянул на спутника. Жун Жо пояснил спокойным, мягким голосом:

— Настой из этого гриба — заморская отравка, хотя и не самая сильная. Раньше её привозили гуннские торговцы для борьбы с насекомыми. Но что будет, если смешать её с мандрагорой в благовониях?

Доктор Ду отер холодный пот со лба.

— Это превратит жизнь человека в ад. Постепенно яд проникнет в кости, изнуряя больного. А если у несчастного и без того слабое здоровье... Ох, если добавить сюда еще и аконит — это будет идеальное убийство. Медленная, невидимая смерть.

Цзян Ехун и Жун Жо обменялись красноречивыми взглядами. Кто-то методично и хладнокровно убивал У Хуэйюнь, имитируя естественную болезнь. Это пахло мстью.

— Доктор Ду, кто обычно забирал лекарства для госпожи У?

— Всегда приходил У Юй.

Цзян Ехун нахмурился — это имя он слышал впервые.

— И кто такой этот У Юй?

— Её племянник. Эх, непутевый малый. Всё свободное время пропадает в игорных домах. Говорят, спустил всё наследство, что оставил ему отец, теперь бездельничает и тянет деньги из тетки. Она в нем души не чаяла, потакала любимым прихотям.

— У госпожи У был племянник? — Цзян Ехун едва скрыл удивление.

— Да, сын её старшего брата, У Хуэйчжоу. Правда, говорили, что Хуэйчжоу умер, так и не обзаведясь семьей, а мальчишка этот — плод тайной связи. Уж не знаю, правда ли это.

— Где он живет?

Доктор Ду удивился в ответ:

— Разве не в доме У Хуэйюнь? Ловец Чу, вы этого не знали?

Странно. В доме У об этом человеке не проронили ни слова, словно его и в помине не существовало. Намеренно скрыли?

— А-Жо, пойдем. Нужно найти У Шуня.

Они вихрем ворвались в швейную мастерскую. Увидев разгневанного ловца, У Шунь засуетился, не зная, куда деть руки.

— Ловец Чу, что-то случилось? Почему вы так внезапно...

— Мы были здесь столько раз, — оборвал его Цзян Ехун ледяным тоном, — и никто из вас даже не заикнулся об У Юе. Он жил в этом доме. Почему о нем молчали?

У Шунь тяжело вздохнул, лицо его осунулось.

— Господин ловец... Не в нашем желании дело. Сама хозяйка строго-настрога запретила упоминать его имя.

— Почему? Племянник и племянник, что в этом такого постыдного?

У Шунь затравленно оглянулся, пригласил гостей в комнату и плотно притворил дверь.

— Понимаете... У Юй ей вовсе не племянник. Он её родной сын.

Жун Жо вскинул брови. Такой поворот предугадать было сложно.

«Сын? Госпожа У никогда не была замужем, и наличие незаконнорожденного ребенка могло погубить её репутацию. Легенда о племяннике — логичное прикрытие. Но почему его так упорно прятали от глаз?»

— Не просто сын, господа... Сын, которого нельзя показывать людям, — У Шунь сокрушенно хлопнул себя по колену. — Что уж теперь таиться... Пятнадцать лет назад госпожа У встретила на озере Яоху молодого господина. Вскружил он ей голову, она и понесла.

— И он бросил её? — тихо спросил Жун Жо.

— Она была молода, упряма, слушать никого не желала. Родила втайне, отдала в бедетную крестьянскую семью. А когда с теми людьми случилась беда, забрала его к себе, выдав за племянника. Но мальчишка вырос... и стал пугающе похож на своего отца. Хозяйка боялась. Ох, как она боялась.

Жун Жо прищурился, в его взгляде блеснула догадка.

— Осмелюсь предположить, что отец мальчика — человек весьма высокого полета.

— Не то слово, — прошептал У Шунь. — Это был...

— Озеро Яоху, — перебил его Жун Жо бесстрастным тоном. — В тех краях есть лишь одно знатное семейство — Унань-ван. У него было три дочери и сын. Стало быть, отец У Юя — наследник Унань-вана, покойный принц-консорт Цуй Ин, муж принцессы Юйпин.

Цзян Ехун замер, пораженный.

— Отец У Юя — покойный муж принцессы?!

— Ловец Чу, умоляю! — взмолился У Шунь. — За этими стенами — ни слова! Мы все головы сложим, если это всплывет.

— Если всё так серьезно, зачем она посылала его за лекарствами? Не боялась, что кто-то узнает в нем черты принца-консорта?

— Только в последний месяц она дала ему волю. Парню дома не сиделось, он повадился бегать в игорные дома. Они из-за этого страшно скандалили, хозяйка чуть в могилу не сошла от

переживаний.

— Где он сейчас?

— Ах, если бы я знал... Два года назад, когда принц-консорт скончался, принцесса Юйпин как-то прознала о мальчике. Она сама бездетна, по мужу тоскует безумно... Прислала людей, хотела признать его приемышем. У Хуэйюнь чуть ли не силой его в поместье гнала — такая удача! А У Юй — ни в какую. Даже поместье и золото, что принцесса ему отписала, не принял. И из дома Унань-вана за ним приходили, признать хотели... А он — в отказ.

Цзян Ехун навис над управляющим:

— Спрашиваю в последний раз: где сейчас У Юй?

— Может, в переулке Люцзя? Он там в детстве жил... Я искал его, да не нашел. Господин ловец, заклинаю вас, не губите нас, не выдавайте его тайну!

— Не бойся, я не дурак, — бросил Цзян Ехун.

Выйдя на улицу, он прибавил шагу. Жун Жо едва поспевал за ним.

— Брат Чу, госпожа У мертва уже несколько дней, а её единственный сын так и не явился. Это не просто странно.

— Здесь всё — сплошное противоречие, — сквозь зубы процедил Цзян Ехун. — Если он так похож на отца, почему его отпускали в лавку? Почему хозяйка так боялась его выхода в свет, если сильные мира сего уже и так всё знали и даже предлагали ему титулы? В этих рассказах концы с концами не сходятся. Они явно темнят.

— И еще одно, — добавил Жун Жо. — Если У Юй все эти годы жил в доме матери, он не мог не знать Гу Мэнъи. Неужели он спокойно смотрел на то, как её истязают?

<http://bllate.org/book/17428/1662952>